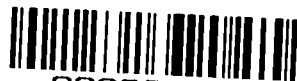

На правах рукописи

УЛЬЗЕТУЕВА Замира Доржиевна

003067762

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БУРЯТСКОГО И
СТАРОПИСЬМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ
(на материале фонетики и морфологии)**

Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Улан-Удэ – 2006

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики
Читинского государственного университета

Научный руководитель	доктор филологических наук, чл.-корр. РАН, профессор Рассадин Валентин Иванович
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор Шулунова Людмила Владимировна кандидат филологических наук, доцент Бадмаева Лариса Батоевна
Ведущая организация	Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств

Защита диссертации состоится 26 января 2007 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.027.02 в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Автореферат разослан «24» декабря 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Цыбикова Б-Х. Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В последние десятилетия в Бурятии наблюдается возрождение национальной культуры, которая связана с постижением традиционной культуры монголоязычных народов. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема обращения к лингвистическим основам монгольских языков, к письменной традиционной культуре на основе старомонгольской графики. Кроме того, необходимость сравнительного изучения старописьменного монгольского и бурятского языков с его многочисленными говорами становится в современное время насущной и для решения проблем межкультурной коммуникации.

Старописьменный монгольский язык долгое время являлся единственной литературной формой монгольских языков. Буряты пользовались данным письмом вплоть до тридцатых годов XX в. В 1931 г. осуществился переход на латинский алфавит, в 1939 г. – на кириллицу. Однако до 1936 г. газеты, делопроизводство частично печатались на старомонгольском, который выполнял функцию книжно-письменного языка. В дальнейшем русская графическая основа бурятского языка постепенно вытеснила старомонгольскую вертикальную графику. Смена алфавита повлекла за собой забвение старомонгольской письменности, что отрицательно сказалось на развитии бурятского языка и культуры. Бурятский народ утратил доступ к уникальным произведениям по истории, медицине, языкознанию, этнографии, фольклору, литературе, философии, которые были зафиксированы старомонгольской письменностью.

Уникальность данной письменности заключалась в полифонном характере ее буквенных начертаний. Это способствовало тому, что носители разных монгольских языков и диалектов могли читать одно и то же слово в соответствии с произносительными нормами своего говора.

В настоящее время на старописьменном монгольском языке издаются газеты и журналы как в самой Монголии, так и во Внутренней Монголии, в Китае. В Бурятии старописьменный монгольский язык является предметом изучения не только в Бурятском государственном университете, но и в колледжах и лицеях, в национальных школах Бурятии и АБАО.

Изучение старомонгольского языка позволяет обучающимся приобщиться как к культурному наследию Бурятии, так и к общемонгольской культуре, одной из богатейших и древнейших культур центральноазиатского региона, а также способствует сближению монголоязычных народов, развивает обмен культурными ценностями, на деле решает проблемы межкультурной коммуникации.

Современная ситуация показывает, что в настоящее время возможность изучать старописьменный монгольский язык ограничена из-за отсутствия учебно-методической литературы по данному языку. Имеющиеся пособия, несмотря на положительные результаты применения их в учебном процессе, предназначены либо для студентов филологических специальностей высших учебных заведений (Н. О. Кокшаева 2002, В. В. Денисова 2006), либо ориентированы на детей-монголов или на учащихся, владеющих современным монгольским языком (Ш. Чоймаа, М. Алтанцэцэг 1994, Ш. Чоймаа, Л. Г. Скородумова 1997, Ч. Оюун 1993, Л. Дамдинжав 1990 и др.). Представляется, что необходимо выработать оптимальную методику для преподавания старомонгольского письма, которая будет положена в основу создания учебных пособий и программ, ориентированных на бурятоязычную аудиторию.

Старописьменный монгольский и бурятский языки относятся к одной языковой семье, что облегчает учащимся, к примеру, освоение лексической системы языка. Практика обучения старомонгольскому языку показывает, что при его изучении целесообразно опираться на тот лингвистический опыт, который приобретен учащимися в процессе изучения родного бурятского языка, а также на общеучебные умения. Обучающиеся приходят к осознанию общности и различий понятийных систем двух языков, при этом отмечено положительное влияние старописьменного монгольского языка на бурятский язык при усвоении слов общего корня, при установлении логических ассоциаций, вырабатывается аналитический подход к родному языку. Поэтому важным и весьма актуальным в научном отношении является проведение сравнительного изучения бурятского языка с его многообразием говоров и старописьменного монгольского языка для установления отличительных и сходных черт.

Состояние изученности проблемы. Вопрос о сопоставлении бурятского и старописьменного монгольского языков затрагивался в лингвистических и в исторических исследованиях лишь попутно, специального же комплексного изучения этой проблемы не проводилось. Так, еще в XIX в. в работе А. А. Бобровникова [1849] наряду с монгольско-калмыцким материалом находим некоторые грамматические формы бурятского языка. А. Д. Руднев [1913-1914], занимаясь исследованием хори-бурятского говора, параллельно привлекает данные из письменно-монгольского языка. Фундаментальные труды Г. Д. Санжеева [1953, 1963] по сравнительной грамматике монгольских языков посвящены рассмотрению всех монгольских языков, где содержатся примеры из классического монгольского и бурятского языков. В. И. Рассадин [1982], исследуя проблемы исторической

фонетики бурятского языка, наряду с фактическим материалом из бурятских говоров, привлекает также данные и по старомонгольскому языку. Исследователь Ц. Б. Цыдендамбаев [1972], изучая язык исторических родословных, сравнивает грамматические и лексические формы старописьменного монгольского языка с разговорным бурятским языком. В очередной своей работе ученый [1979], исследуя грамматические категории бурятского языка, в качестве вспомогательного материала привлекает грамматические формы старописьменного монгольского языка. Монгольский ученый Г. Гантогтох [1993] провел в одной из своих статей сравнительный анализ бурятского диалекта Монголии и монгольского письменного языка.

Целью данной работы является сравнительное исследование строя бурятского и старописьменного монгольского языков на примере фонетики и грамматики для выявления их сходства и различия. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие частные задачи:

– исследовать в сравнительном плане звуковой строй бурятского и старописьменного монгольского языков и выявить в системах их вокализма и консонантизма сходства и различия;

– исследовать в сравнительном плане грамматический строй бурятского и старописьменного монгольского языков и средства выражения элементов этого строя в системе грамматических форм назывных знаменательных слов;

– опираясь на результаты сравнительного анализа фонетического и грамматического уровня двух языков, установить отличительные черты бурятского языка и старописьменного монгольского языка.

Материал исследования. В качестве источников фактического материала по бурятскому и старописьменному монгольскому языкам послужили сведения, почерпнутые из опубликованных научных работ как отечественных, так и зарубежных монголоведов. В результате систематизации и сбора материала была собрана картотека (3000 карточек), в которой отражены фонетические и грамматические особенности, функционирующие в сравниваемых языках.

Материалы по фонетике бурятского языка даны с использованием современной, основанной на кириллице, орфографии с незначительными диакритическими дополнениями; по старописьменному монгольскому языку – международной системы транслитерации на латинской основе.

Методы исследования. В данном диссертационном исследовании применялись в комплексе различные методы: структурно-лингвистический, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический и описательный метод. Из общеметодологических методов использовались наблюдение, обобщающая аналогия, анализ и синтез.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в монголоведении монографически на значительном по объему материале в сравнительном аспекте исследуются бурятский язык (как литературный язык, так и его говоры¹) и старописьменный монгольский язык классического периода² на фонетическом и грамматическом уровнях, в результате чего выявляется их сходство и различие.

Научная и теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы для изучения истории вопросов образования бурятского языка.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования ее положений при разработке спецкурсов как по сравнительной и исторической грамматикам бурятского и других монгольских языков и их диалектов, так и по проблемам межкультурной коммуникации. Выводы диссертации могут послужить научной базой для создания оптимальной методики обучения старописьменному монгольскому языку в бурятоязычной аудитории.

Апробация работы. Основные положения диссертации освещались на международных конференциях «Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения» (Улан-Удэ, 2004), «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия, Китай, Монголия» (Чита, 2006), на всероссийской конференции «Кулагинские чтения» (Чита, 2005, 2006), межрегиональной конференции «Язык и культура: Межкультурная коммуникация, лингводидактика» (Улан-Удэ, 2005), региональной конференции «Инновационные технологии в образовании» (2-е Батудаевские чтения) (Улан-Удэ, 2003), республиканской конференции «Преподавание бурятского языка как государственного на современном этапе» (Улан-Удэ, 2001), на конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов БГУ (Улан-Удэ, 2004, 2005). По теме диссертации опубликовано 13 статей, в том числе 3 статьи в реферируемом ВАКом издании. Изданы монография «Сравнительное исследование старописьменного монгольского и бурятского языков» (Чита, 2006) и учебное пособие «Старописьменный монгольский язык» (Чита, 2006).

---

¹ В исследовании привлечены хоринский, эхирит-булагатский, хонгодорский и цонголо-сартульский говоры. К хоринской группе говоров относятся собственно хоринский говор, агинский, тутнуйский, северселенгинский говоры. К эхирит-булагатской группе говоров относятся собственно эхирит-булагатский говор, боханский и ольхонский говоры, говоры баргузинских и байкало-кударинских бурят. К хонгодорской группе говоров относятся аларский, тунжинский, окинский и закаменский говоры, а также говор унгинских бурят. К цонголо-сартульской группе говоров относятся цонгольский и сартульский говоры. Также самостоятельные изолированные говоры как говоры нижнеудинских бурят и ононских хамниган в данной работе представлены не будут.

² По Б. Я. Владимирцову [1929, С. 33], периодизация старописьменного монгольского языка выглядит следующим образом. 1. Древний период – до начала XIV века, 2. Средний период – от начала XIV века до второй половины XVI века, 3. Переходный период – с конца XVI века до начала XVII века, 4. Новый (классический) период – с начала XVII века.

Диссертация обсуждалась на заседании отдела языкознания ИМБит СО РАН и на кафедре теоретической и прикладной лингвистики факультета гуманитарной культуры Читинского государственного университета.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, а также списка условных сокращений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, устанавливаются цель и задачи, характеризуется фактический материал, указываются методы исследования, научная новизна, научно-теоретическая и практическая значимость работы, апробация отдельных частей исследования.

Первая глава «**Сравнительное исследование звукового строя бурятского и старописьменного монгольского языков**» посвящена рассмотрению систем вокализма, консонантизма, фонетических процессов и явлений, происходивших в сравниваемых языках, с целью выявления их сходных и отличительных элементов.

В параграфе 1.1. «**Вокализм бурятского и старописьменного монгольского языков**» дается сравнительный анализ систем вокализма сравниваемых языков. Исследованию были подвергнуты краткие гласные первых и непервых слогов, долгие гласные и дифтонги. В связи с тем, что наряду с литературным языком рассматриваются говоры бурятского языка, определенный интерес представляет установление в них аналогичных и отличительных явлений со старописьменным монгольским языком.

В старописьменном монгольском и в бурятском языках 7 основных кратких гласных. Для гласных звуков старописьменного монгольского языка употребляется транслитерация на латинской основе: *a, e, i, o, ö, u, ü*. Гласные фонемы бурятского языка следующие: [a], [o], [y], [э], [ө], [ү], [и]. Фонема [ө] в данном исследовании рассматривается как самостоятельная, поскольку наличествует в эхирит-булагатской, хонгодорской и цонголо-сартульской группе говоров. В литературном бурятском языке и хоринской группе говоров данная фонема выступает как аллофон фонемы [ү]. Все они употребляются в первых слогах слов без ограничений. Например: стп.-м. *γar* – бур. *γar* «рука», *čongqu* – *сонхо* «окно», *biq=a* – *буха* «бык», *ger* – *гэр* «дом, юрта», *köl* – *хөл*, *хүл* «нога», *ünür* – *өнөр*, *үнэр* «запах», *nitgen* – *нимгэн* «тонкий». Бурятский язык сохранил полногласие, характерное для старописьменного языка.

В ходе рассмотрения кратких гласных первых слогов установлено:

– на месте старомонгольского звука *a* в бурятском языке представлена фонема [a] как в неизменном виде в соседстве с увулярными и фарингальными согласными, так и в опередненном варианте *á* в соседстве с пе-

реднеязычными, среднеязычными и палатализованными согласными в разговорной речи, а в говорах в еще более переднерядном оттенке: *нэрин* (бох., барг.) «тонкий»;

– на месте старомонгольского звука *o* в бурятском языке представлены фонемы [o] и [y]. Заметим, что в разговорной речи имеем опередненный вариант *ó*. В говорах же, особенно в эхирит-булагатских, *o* в позиции перед *i* и среднеязычными и палатализованными согласными переходит в очень мягкий переднеязычный звук *õ*: *мõрин* (барг.) «конь»;

– на месте старомонгольского звука *u* в бурятском языке представлены фонемы [y], [o], [a];

– на месте старомонгольского звука *e* в бурятском языке представлены фонемы [э], [ү], [ө], [и];

– на месте старомонгольского звука *ö* в бурятском языке находим фонему [ү], [э], [ө];

– на месте старомонгольского *ï* в бурятском языке представлены фонемы [ү] и [э];

– на месте старомонгольского звука *i* в бурятском языке представлены гласные фонемы: [a], [o], [y], [ү], [э], [и]. Это связано с «переломом гласного *i*». Например, [a]: стп.-м. *ċinar*, бур. *шанар* «качество»; [o]: стп.-м. *ċinu=a*, бур. *шоно* «волк»; [y]: стп.-м. *ċisun*, бур. *шуһан* «кровь»; [ү]: стп.-м. *sidün*, бур. *шүдэн* «зуб, зубы»; [э]: стп.-м. *biċig*, бур. *бэшиг* «письмо». В отдельных словах *i сохранился в виде долгого гласного ии: стп.-м. *nariqan*, бур. *нарихан* «тоненький».

В системе вокализма непервых слогов старописьменного монгольского языка употребляются *a*, *e*, *u*, *ï*, в бурятском – [a], [э], [o]. Фонема [и] – *i* может быть в любом слоге любого слова. По закону губной гармонии гласных в бурятском языке после кратких *a*, *u* первого слога произносится *a*, после краткого *o* первого слога – *o*, после кратких *э*, *ү* – *э*. В старописьменном монгольском языке в непервых слогах широко представлены краткие узкогубленные гласные *u*, *ï*, характерные для цонголо-сартульских говоров. Например: стп.-м. *quddu*, лит.-бур. *худаг*, сарт. *худуг* «колодец»; стп.-м. *ünir*, лит.-бур. *үнэр*, сарт. *үнүр* «запах». Наблюдается закон губного притяжения, при котором старомонгольские гласные непервых слогов *a*, *u* подверглись ассимилятивному воздействию, при этом наблюдается процесс лабиализации *a* со стороны *o* и ослабление *u* и переход его в *o*: стп.-м. *modun*, бур. *модон* «дерево»; стп.-м. *olan*, бур. *олон* «много».

По принципу губного сингармонизма в литературном бурятском языке в непервых слогах возможно употребление лишь гласного *a*, если в предыдущем слоге тоже стоит гласный *a*, однако в баргузинском и байкало-кударинском говорах бурятского языка в тех же позициях появляется долгий гласный *уу*. Например: стп.-м. *dabusun*, лит.-бур. *дабан*, барг. *дабуу'ан*, байк.-куд. *дабуун* «соль». Таким образом, можно утверждать, что в данных говорах наблюдается сохранение исторического гласного *u,

встречающегося в старописьменном монгольском языке, а в литературном языке произошло развитие этого гласного *и в неогубленный а вследствие прогрессивной ассимиляции.

В бурятском языке в твердых словах гласный и непервых слогов палатализирует предшествующий согласный: стп.-м. *тогін*, бур. *морин* «конь». В некоторых случаях *i перед *g, который перешел в j (йот), дал, ассимилировавшись, а или э в зависимости от рядности слова: стп.-м. *qargi*, бур. *харья* «быстрина на реке», *ergi* – *эрье* «берег». Сильной ассимиляции подвергся *i непервого слога после исторических аффрикат и шипящего ш. При этом *i перешел в э, а, о в зависимости от рядности слова и вокализма 1-го слога: стп.-м. *ürgüljǰi*, бур. *үргэлжэ* «постоянно», *čabčiqi* – *сабшаха* «рубить».

Фонема же [ə] не употребляется в непервых слогах в старописьменном монгольском, в литературном бурятском и в говорах хоринского типа. Исключение составляют эхирит-булагатские, хонгодорские и цонголо-сартульские говоры (хотя между говорами одной и той же группы имеются существенные различия). Так, эхирит-булагатские и хонгодорские говоры отличаются от последних наличием фонемы [ə] в непервых слогах, если она представлена в первом слоге: стп.-м. *edür* «день», тунк., эхир.-булаг., качуг. *өдөр* id. Система вокализма непервых слогов цонголо-сартульских говоров неоднородна. Цонгольский говор примечателен наличием фонемы [o] и [ə] в непервых слогах. Так, [o] появляется после гласных а или у первого слога: стп.-м. *науици* «дядя» (по матери), лит.-бур. *нагаса*, цонг. *нагоцо* id. Фонема [ə] появляется после у первого слога: стп.-м. *edür* «день», лит.-бур. *үдэр*, цонг. *үдөр* id.; стп.-м. *nidiün* «глаза», лит.-бур. *нюдэн*, цонг. *н'үдө* id.

Монголоведами было замечено появление необычного для бурятского языка окающего диалекта. Так, конечное оканье обнаружено в сартульском, цонгольском и тугнуйском говорах: стп.-м. *науици* «дядя» (по матери), лит.-бур. *нагаса*, сарт. *нагуцо*, цонг. *нагоцо*; стп.-м. *уһан*, лит.-бур. *уһан*, тугн. *оһон* «вода».

В старописьменном монгольском языке отсутствуют как таковые долгие гласные. В бурятском языке они развились:

– в результате исчезновения интервокальных гласных в сочетании VCV (гласный-согласный-гласный), но не во всех случаях: *ауа іуа іуа іуа* → *аа, оуа оуи іуа* → *оо, іуи іуи ауи* → *уу, еге іге іге* → *ээ, öge üge* → *өө, үгү ігү егү* → *үү, иги* → *иу*;

– на месте кратких гласных;

– на месте комплекса VCV, который сохранил интервокальный согласный, но, тем не менее, второй гласный оказался долгим;

– на месте звука *h* в эхирит-булагатских и хонгодорских говорах бурятского языка (в определенных);

– на месте старомонгольских *аи, ей, ои, оа, иа*. Причем, в сартуль-

ском говоре исторический дифтонг *ya* сохраняется: стп.-м. *qua*, общебур. *ухаа*, *хуа* «рѣжеватый» (о масти), стп.-м. *гиа*, общебур. *угааха*, сарт. *гуах* «мыть».

На месте старомонгольских комплексов $V+yu+i$ (в анлауте и инлауте слова) и $V+i$ (в ауслауте слова) в бурятском языке развились дифтонги *аэ*, *оэ*, *уи* и *yi*, а также *еэ* (в барг., окин., тунк., закам., цонг.), *ya* (в сарт.); и долгие монофтонги (гласные с одной простой укладкой), причем во многих говорах отмечается тенденция произносить их в опередненном варианте. Также следует отметить, что по говорам наблюдается пестрая картина: исторические дифтонги либо сохраняют свой дифтонговый характер, либо переходят в чистый долгий монофтонг, то в монофтонг с *i*-образным или *э*-образным призвуком в конце. При рассмотрении дифтонгов обнаруживается тенденция к их монофтонгизации, заключающаяся в действии общей закономерности ослабления артикуляции, и наблюдаемой в конечной позиции слов.

Таким образом, установлено, что в бурятском языке при сохранении полногласия слогов в области вокализма произошел процесс опереднения гласных, смена качества звуков в первых и непервых слогах в результате так называемого перелома гласного *i*, ассимиляция звуков, изменение принципа губного сингармонизма, появление долгих гласных, монофтонгизация дифтонгов.

В параграфе 1.2. «Консонантизм бурятского и старописьменного монгольского языков» рассматриваются согласные фонемы бурятского и старописьменного монгольского языков в сравнительном аспекте. В процессе сравнительного анализа выявляются сходства и расхождения.

Фонетическими особенностями бурятских согласных являются появление *h* на месте старомонгольского *s* перед гласными, кроме *i* (напр., стп.-м. *sara*, бур. *һара* «луна»; однако, есть примеры, в которых *s* перед *i* дал *h*: стп.-м. *ebsiyeki*, бур. *эбһээлхэ* «зевать») и в середине слова (характерно для трех традиционных бурятских говоров) и *д* в конце слова и слога (напр., стп.-м. *orus*, бур. *ород* «русский») на месте старомонгольского *s*. Консонант *s* в чистом виде также встречается: стп.-м. *ʃimis*, бур. *жэмэс* «ягода». В позиции перед *i*, *s* перешел в *ш*: стп.-м. *dösi*, бур. *дүшэ* «наковальня». Эволюция гласного *i* дала палатализацию согласных, противопоставляющую согласные фонемы бурятского языка на твердые и мягкие (*п* и *п'*, *б* и *б'*, *м* и *м'*, *т* и *т'*, *д* и *д'*, *н* и *н'*, *л* и *л'*, *р* и *р'*, *х* и *х'*, *г* и *г'*), которые несут смысловозначительную функцию. Например: *нуур* «озеро» – *н'уур* (орф. *нюур*) «лицо» и т.д. Не имеют противопоставленных пар по палатализованности и непалатализованности среднеязычная [j] – всегда мягкая и шесть фонем – переднеязычные щелевые [ç], [ж], [ш], [ж], заднеязычная носовая [ŋ] и фарингальная [h]. Также произошло явление ослабление смычки и переход в щелевые, выражающееся в деаффрикатизации согласных ç

и *ʃ*, на месте которых образовались шипящие *жс*, *ш* и свистящие *с*, *з*. В говорах бурятского языка данная старомонгольская аффриката имеет фонетические варианты *жс*, *з*, *й*, *джс*, *дз*. Так, в хонгодорских говорах бурятского языка, в тугнуйском говоре (западная часть) наряду с обычным произнесением *жс*, *ш*, *с*, *з*, во многих словах аффрикаты *джс*, *ч*, *ц*, *дз* продолжают сохраняться, что приближает данные говоры к старомонгольскому. В цонголо-сартульских же говорах аффрикаты сохранились в полном объеме. Их еще называют цакающие или цокающие говоры, вместо общебурятского фарингального звука *h* произносят сильный спирант *s*. Представители цонголо-сартульской группы говоров бурятского языка являются сравнительно недавними выходцами из Монголии и еще не потеряли черт монгольского характера. Характерной чертой группы эхирит-булагатских говоров является ёканье, то есть там, где в литературном языке и некоторых других говорах в анлауте произносится *жс* или *з*, в эхирит-булагатских говорах произносят *j*: стп.-м. *ʃida*, лит.-бур., хор. *жада*, алар. *жада*, эхир.-булаг. *јада* «копье»; стп.-м. *ʃiryal*, лит.-бур. *жаргал*, байк.-куд., барг., качуг. *йаргал*, сарт. *дзаргал* «счастье»; стп.-м. *könʃil*, лит.-бур. *хүнжэл*, окинск. *хөньджил*, тунк., закам. *хүнжэл/хүньджэл* «одеяло». Сохранение аффрикаты в говорах указывает на их архаичность. Следует отметить, что и в литературном языке, и в говорах существует разницей употребления *жс* и *з*: стп.-м. *ʃusekii*, лит.-бур. *зүхэхэ/жүхэхэ* «резать ломтями» и т.д.

Кроме того, в бурятском языке смычные *k* и *q* дали щелевой *x*: стп.-м. *qar=a*, бур. *хара* «черный», *eke* – эхэ «мать». В цонголо-сартульских же говорах имеется глухой сильный смычный звук *k*, который выступает как факультативный вариант фонемы *x*. Согласный *g перед *i в позиции после дрожащего *r* и *l* в интервокальном положении в бурятском языке перешел в щелевой в среднеязычный *j* как в корневых словах, так и в аффиксах, например: стп.-м. *bagiqu* – бур. *бааяха* «клубиться» (о дыме), *ergi* – эрье «берег», *ʃasaγ=i* – *засае* «власть» (вин.п.). В говорах *z* перешло в *дʷ*, *j*: стп.-м. *ʃalgiqu*, лит.-бур. *залгиха*, хор., хонгод. *зальдиха* (*zal'd'xʌ*), эхир.-булаг. *зал'jаха* (*zal'jʌxʌ*) «глотать».

Фонетическим своеобразием собственно хоринского говора, отличающим его как от других говоров, так и от литературного языка, является смягченное произнесение согласных в таких словах, как *эрд'им* «наука», *хэл'ин*, «язык» вместо *эрдэм*, *хэлэн* в тех же значениях в других говорах. В литературном языке приняты последние нормы. Или, например, слова, имеющие в основе мягкий *p'*, типа *мор'ин*, «лошадь» в совместном падеже в хоринском говоре приобретают форму *мор't'ээ* вместо *мор'итое*: в других говорах и литературном языке.

Одной из характерных черт группы эхирит-булагатских говоров является дальнейший процесс перехода согласного *s→*h*→*x* в анлауте: стп.-

м. *sara*, лит.-бур. *hapa*, байк.-куд., качуг., барг. *xapa* «луна, месяц». Таким образом, в данных говорах появились пары слов типа *xapa* «черный» и *xapa* «луна, месяц», *xonin* «овца» и *xonin* «новость». Наблюдается выпадение *h* в байкало-кударинском и баргузинском говорах, причем в баргузинском говоре на месте *h* образуется пауза, в байкало-кударинском говоре в результате этого выпадения произошло стяжение соседних его гласных в долгие: стп.-м. *ĵayasun*, барг. *зазуу'ан*, байк.-куд. *зазуун* «рыба». У осиноидинских и аларо-унгинских бурят, наоборот, отмечается употребление *h* вместо *x*: *hүүргэ* вм. *хүүргэ* (мост) и т.п. Данное обстоятельство свидетельствует о неравномерном развитии исторического согласного $*s \rightarrow h \rightarrow x$, в результате которого в сравниваемых языках этот процесс дает различные вариации слов внутри диалектов.

Старомонгольское сочетание *ki* по говорам дало варианты *x'u*, *ши*, *c'u*, *m'u*: стп.-м. *salkin*, лит.-бур., хор., цонг.-сарт. *halx'un*, закам. *halт'un*, тунк. *halx'un/halc'un* «ветер»; стп.-м. *ariki*, лит.-бур., хор., цонг.-сарт. *арх'u*, бох. *арс'u/аршu/арт'u* «водка».

В эхирит-булагатских и хонгдорских говорах бурятского языка наблюдается переход аналутного *n* в *й*: стп.-м. *nehte*, лит.-бур. *нэптэ*, качуг., закам. *йэптэ* «насквозь». В речи унгинских бурят происходит замена среднеязычного звука *j* на переднеязычный носовой *n'*: стп.-м. *jamar*, лит.-бур. *ямар* (*jamAr*), унг. *н'амар* (*n'AmAr*) «какой».

В конце слова *n* во всех бурятских говорах перешел в заднеязычный *ŋ*: стп.-м. *qurduŋ*, бур. *хурдан(ŋ)* «быстрый», *он* – *он(ŋ)* «год». При склонении основ с этим конечным *ŋ* он в ряде падежей исчезает, в некоторых же падежах выступает в виде исконного переднеязычного *n*.

Старомонгольской аффрикате *č* в бурятском языке соответствуют два звука – шипящий *ш* и свистящий *с*: стп.-м. *čirai*, бур. *шарай* «лицо», *čayan* – *сагаан* «белый». В бурятском языке наблюдаются междиалектные и внутридиалектные пары, такие как стп.-м. *qabčal*, бур. *хабсан//хабшан* «ушелье». В хонгдорских говорах немало случаев, когда аффриката *č* сохраняется: стп.-м. *bulčirqai*, лит.-бур. *булшархай*, хонгод. *бульчирхаэ* «железа». В данных говорах на месте старомонгольской аффрикаты также присутствует звук *ц*, чем напоминает халха-монгольский язык: стп.-м. *elinče*, лит.-бур. *элинсэг*, хонгод. *элинцэг* «предки». В цонголо-сартульских говорах вместо старомонгольского *č* употребляются аффрикаты *ч* и *ц*: стп.-м. *či*, цонг. *чи*, сарт. *чи* «ты» и т.д.

Таким образом, установлено, что в бурятском языке в области консонантизма произошли следующие изменения: палатализация согласных, переход аффрикат в щелевые (в указанных говорах), переход смычных в щелевые, ослабление $*s$ в *h* и *д* (в указанных говорах).

Параграф 1.3. «Согласные и гласные звуки в потоке речи» посвящен ассимиляции и закону сингармонизма.

В бурятском языке к заметным фонетическим изменениям, затраги-

вающим эволюцию как гласных, так и согласных оказали, во-первых, явление перелома гласного *i и, во-вторых, различные ассимилятивные процессы, протекающие в вокализме и консонантизме. Явление перелома гласного *i подвергло значительному изменению исторические согласные, в частности, в большинстве говоров бурятского языка стал наблюдаться переход аффрикат в щелевые согласные, а также произошла палатализация согласных звуков. Следует обратить внимание на тот факт, что в бурятском языке признак палатализации играет смысловозначительную роль, например: *нуур* «озеро» – *нюур* «лицо», *бараа* «исчерпался» – *баряа* «схватил».

Общеизвестно, что ассимиляция гласных в монгольских языках бывает как прогрессивной, так и регрессивной. Ассимилятивным процессам этих двух типов подвергаются только краткие гласные непервых слогов. Исторически на месте нейтрального гласного *i существовало два гласных – заднерядный *i и переднерядный *i, которые подверглись ассимиляции и превратились в один гласный *i. Перелом гласного *i оказал большое влияние на появление большинства гласных первых слогов, например: стп.-м. *šibar*, бур. *шабар* «грязь, слякоть», стп.-м. *sirui*, бур. *шорой* «пыль, почва», стп.-м. *bičig*, бур. *бэшэг* «письмо».

В бурятском языке помимо перелома гласного *i, наблюдаются случаи изменения исконного гласного *e, который под воздействием ассимиляции перешел в огубленный гласный y, в некоторых говорах o.

Примером консонантической ассимиляции служит уподобление слабых согласных сильным по глухости, например: бур. *хадхуур* произносится *хатхуур* «колючка», *магтаха* «славить» произносится *мактаха*

Сингармонизм в старомонгольском и бурятском языках опирается на деление гласных по рядам: твердый, мягкий и нейтральный, которое получило название «палатальной гармонии» и на явление губного притяжения, т.е. «лабиальный сингармонизм». Исходя из этой закономерности, все слова старописьменного монгольского и бурятского языков распадаются на твердорядные и мягкорядные. В твердорядных словах употребляются лишь гласные твердого и нейтрального рядов, в мягкорядных же словах допустимо употребление гласных мягкого и нейтрального рядов: стп.-м. *surqi*, бур. *хураха* «учиться», *türgedeki* – *түргэдэхэ* «торопиться».

Суть губной гармонии гласных состоит в том, что огубленные гласные первого слога влияют на гласные последующих слогов, вследствие чего осуществляется переход к огубленным гласным. В старописьменном монгольском языке в первом слоге может находиться любой гласный, а после первослогового огубленного o в последующих слогах следует неогубленный a или дифтонг ai, после огубленного ö следует неогубленный e, также во втором слоге активно употребляются гласные u и i, следуя за соответствующими огубленными гласными первого слога. Например: стп.-м. *uruu*, бур. *ураг* «свойственник (по жене)», *üküki* – *үхэхэ* «умереть». В

бурятском языке примеры подобные старомонгольским встречаются лишь в цонголо-сартульских говорах.

В литературном бурятском языке в непервых слогах не употребляются краткие узкие огубленные *у* и *ү*, узкие дифтонги *уй* и *үй*. Также в бурятском языке после широких огубленных одного слога в следующем слоге исключено употребление широких неогубленных: после *о* не может употребляться *а*. Таким образом, старомонгольские непервослоговые неогубленные гласные *а*, *е*, которые следовали за первослоговыми *о*, *ө*, подверглись полной ассимиляции, в данном случае – лабиализации.

Ни в старописьменном монгольском, ни в бурятском языках не допускается употребление модели *а-о*, *у-о*, *е-ө*, *й-ө* (за исключением сартульского говора: стп.-м. *šinguiqu*, лит.-бур. *шунгаха*, сарт. *шунгухо* «нырять»). Другими словами, губной *о* в непервых слогах после гласных *а*, *и* в первом слоге не встречается, как после *е*, *й* не может встречаться *ө*. Точно также после *и*, как правило, не встречается *ө* и *й*. Гласные аффиксов зависят от состава вокализма корня слов: стп.-м. *alta=bar*, бур. *алтаар* «золотом».

Закон сингармонизма нарушается в двух случаях: 1) в сложных словах – названиях или именах собственных: стп.-м. *Lhamusiürüng*, *Sükebayatur* (имена собственные), *Emün=e Gobi* (название местности), бур. *Бадмацырен* (имя собственное), *Мухар-Шэбэр*, *Хүхын-Болдог* (название местности); 2) в словах, заимствованных из других языков: стп.-м. *passport*, бур. *паспорт* «паспорт», *festivali* – *фестиваль* «фестиваль», *kino* – *кино* «кино».

Сингармонизм согласных отразился на особенностях графики старомонгольской письменности. Однако это не распространилось на все согласные, фонетический алфавит старописьменного языка из общего состава консонантизма отразил только наиболее четко выраженные аллофоны. Например, начертание *ᠬ* (*q*) и *ᠬ* (*γ*) – используется в словах твердого ряда, *ᠬ* (*k*, *g*) – в словах мягкого ряда. В бурятском языке сингармонизм распространяется только на твердые согласные.

Таким образом, в бурятском языке произошла ассимиляция звуков, которая повлияла как на качество гласных фонем, так и на согласных, наблюдается своеобразный палатальный и губной сингармонизм.

Во второй главе «Сравнительное исследование грамматического строя бурятского и старописьменного монгольского языков» дан сравнительный анализ грамматических форм двух языков.

В параграфе 2.1. «Именные части речи бурятского и старописьменного монгольского языков» рассматриваются такие грамматические категории имен существительных как множественность, склонение, притяжание, а также формы прилагательных и разряды числительных.

Множественное число имен существительных в старописьменном монгольском и бурятском языках образуется путем прибавления к основе слова специальных аффиксов, причем аффиксы множественного числа в

старописьменном монгольском языке пишутся отдельно от основы, за исключением тех, которые состоят из одного лишь согласного. В бурятском языке состав аффиксов множественности варьируется в зависимости от говора. Большое количество аффиксов множественности объясняется наличием так называемых аффиксов собирательности, которые приобретают статус множественности.

Показатели множественного числа в старописьменном монгольском языке следующие: *-s*, *-d*, *=ud (=üid)*, *=nuγud (=nüγid)*, *=nar (=ner)*, *-čüd (-čüid)* и *-čül (-čül)*. Под влиянием устной народной речи наблюдаются образования двойных форм множественного числа путем присоединения сразу двух аффиксов: *=nar=ud* и *-d=ud*: *lam=a – lam=a=nar=ud* «лама – ламы».

В литературном бурятском языке выделены аффиксы *-д*, *-ууд (-үүд)*, *нууд (-нүүд)*, *-гууд (-гүүд)*, *-нар (-нор, -нэр)*, *-над (-нэд)*, *-шуул (-шүүл)*, *-шууд (-шүүд)*, *-тан (-тэн, -тон)*. В разговорном языке можно встретить комбинирование аффиксов *-д*, *-ууд*, *-нууд*. Например, в хоринских говорах множественное число может образоваться при помощи аффикса *-дууд*, а в эхирит-булагатских и хонгодорских – при помощи *-һууд* (согласный *д* в положении между гласными здесь обычно переходит в проточный согласный *һ*): *хонин* «овца» – *хониһууд*, *хонидууд*.

Отличительные черты аффиксов множественного числа старописьменного монгольского и бурятского языков заключаются в следующем:

– в старописьменном монгольском языке аффикс множественного числа *-s*, относящийся к числу выразителей ограниченного множества, встречается часто. В бурятском языке вместо него фигурируют другие аффиксы: *ner=e – neres* (стп.-м.), *нэрэ – нэрэнүүд* (лит.-бур.) «имя – имена»; в эхирит-булагатских и хонгодорских говорах данный аффикс сохранился в составном форманте неопределенного множества *-һууд (-һүүд)*, который также встречается на месте старомонгольского аффикса *-d*,

– в старописьменном монгольском языке при помощи аффикса *-d* образуется множественное число от основ, оканчивающихся на *-sun (-sün)* с утратой последнего перед аффиксом. Данный показатель, трансформировавшийся в бурятском в *-һан (-һэн)*, не выпадает. Например: *nyγusun – nyγuid* – *нугаһан – нугаһанууд* «утки»;

– в старописьменном монгольском языке при помощи аффикса *-d* образуется множественное число от основ, оканчивающихся на *r* с утратой конечного *r* перед аффиксом. Например: *bayatur – bayatud* «богатырь – богатыри», *čidkür – čidküid* «черт – черти». В бурятском находим *баатар – баатарнууд*, *шүдхэр – шүдхэрнүүд*. Исключение составляет лишь слово *нүхэр – нүхэд* «товарищ – товарищи»;

– формант собирательного множества *-над (-нэд)* характерен для бурятского языка. В старописьменном монгольском языке он отсутствует;

– в старописьменном монгольском языке в основном слова в единственном числе имеют одно окончание, во множественном числе – другое. В

бурятском же большая часть слов принимает аффиксы множественного числа без изменения своих основ: *ноqai* «собака» – *ноqas* (стп.-м.) – *нохой* – *нохойнууд* (бур.), *qubčasan* «одежда» – *qubčad* – *хубсахан* – *хубсаханууд*, *yaĵar* «земля» – *yaĵad* – *газар* – *газарнууд*.

В системе падежей старописьменного монгольского языка представлены именительный, родительный, винительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, совместный и соединительный падежи. Из них в бурятском языке не бытуют формы местного и соединительного падежей. Также некоторые исследователи выделяют неоформленный падеж и падежи ограниченного распространения. Каждый из них отвечает на определенный вопрос. В старописьменном монгольском языке в основах всех падежей сохраняется конечный *-n*. В бурятском языке конечный *-n* сохраняется в основах именительного, родительного, дательно-местного, исходного и совместного падежей. Аффиксы падежей старописьменного монгольского языка пишутся отдельно от слова, к которому они относятся. Некоторые падежи, например родительный, винительный, орудный, имеют несколько вариантов окончаний – употребление того или иного окончания зависит от качества конечного звука основы.

В старописьменном монгольском языке окончания падежей имен подразделяются на две части, например, родительный падеж: на аффикс *=uiŋ*, принимаемый основами на любой гласный, и на аффикс *=un (=ün)*, присоединяемый к основам на любой согласный, кроме основ на *-n*, принимающих *=u (=ü)*. В бурятском же языке родительный падеж образуется при помощи целого ряда аффиксов-орфограмм. Что касается говоров бурятского языка, их падежная система имеет общепурятский характер, различаясь, в основном, фонетически. Так, хонгдорская группа бурятских говоров сохраняет архаичную форму старописьменного монгольского языка, что приближает его к нему: стп.-м. *bui* «ружье» – *bui=ui* «ружья», хонгод. *буу* – *бууйи* (род.п. и вин.п.) *id.*, *maq=a* «мясо» – *maq=a=ui* «мяса», *пот* «книга» – *пот=i* «книгу», *ном* – *номы* (вин. п.) и т.п.

Так называемых двойных падежных форм старописьменного монгольского языка в исследовании было рассмотрено 10, которым соответствуют 8 бурятских. В бурятском языке не нашли соответствия соединительно-орудный и родительно-соединительный падежи.

В данных языках имена прилагательные обладают общими формами проявления степени усиления и ослабления качества за исключением особенностей, присущих каждому языку в отдельности. Так, форма ослабления качества в старомонгольском языке образуется посредством присоединения аффикса *-qan (-ken)*, *-btur (-btür)*, *-bir*, *-bur (-bür)*, *-ltur (-ltür)* к основе прилагательного, в случае, если основа слова оканчивается на согласный *-n*, то он выпадает. В бурятском языке данная форма представлена аффиксами *-хан (-хэн, -хон)*, *-бтар (-бтэр, -бтор)*, *-бар (-бэр, -бор)*, *-шаг (-шэг, -шог, -шиг)*.

Усилительная форма в рассматриваемых языках образуется:

– редупликацией первого слога прилагательных с прибавлением согласного *b* – *б*, например: стп.-м. *ᠰᠠᠪ ᠰᠠᠭᠠᠨ*, бур. *саб саган* «белый-пребелый»;

– при помощи усилительных частиц и наречий со значением меры;

– повтором основ с исходным или родительным падежами;

– усиление качества, относящегося к человеку, в бурятском языке выражается аффиксам *-жаал (-жээл)*: *ехэ* «большой» – *ехэжээл* «повзрослевший». В качугском говоре широко распространен прием усиления качества путем удлинения гласного основы: *ута* «длинный» – *утуу* или *уута* «длиннющий».

Кроме того, прилагательные, подвергаясь субстантивации, обладают такими категориями, как число, падеж и притяжание. Степеней сравнения, выраженных морфологически, рассматриваемые языки не имеют, однако участвуют в образовании сравнительных конструкций с использованием исходного падежа: стп.-м. *ene morin tere morin=ača qurduᠨ* «этот конь быстрее того коня», бур. *энэ морин тэрэ моринһоо хурдан ид*.

Имена числительные в обоих языках представлены всеми разрядами: количественные, порядковые, собирательные, разделительные, кратные и дробные, способы образования которых несколько различны. Система числительных говоров бурятского языка в основном совпадает с таковой литературного языка. Спецификой является лишь несколько иное фонетическое оформление некоторых числительных и их форм в говорах. Так, количественное числительное *б* в стп.-м. *ᠶᠢᠷᠢᠭᠠᠨ*, в лит.-бур., хор. *зургаан*, эхир.-булаг. *ёргоон*, хонгод. *жоргоон*, цонг.-сарт. *дзургаа*. В старописьменном монгольском языке порядковые числительные образуются при помощи аффикса *-duyar*. В литературном языке иногда встречаются порядковые числительные, образованные по образцу монгольских порядковых числительных посредством аффикса *-дугаар*, например: *табадугаар* «пятый», однако, как правило, данные числительные образуются от основ количественных числительных при помощи аффикса *-даху*. В говорах порядковые числительные имеют показатель *-тху*, варьирующий фонетически, т.е. *-тху*, *-тхя*, а также *-дъхя*, *-дъху*, *-дти*: стп.-м. *nigedüger* «первый», лит.-бур. *нэгэдэхи*, в говорах *нэгэтхэ//нэгэдти//нэгэдъхи id*. Собирательные числительные: стп.-м. *γurbayula* «втроем», лит.-бур., хор., тунк. *гурбуулан*, окин., закам. *гурбуулаа*, барг. *гурбуундаа id*. Разделительное числительное в говорах имеет несколько вариантов оформления: стп.-м. *qosiγayad* «по два», лит.-бур. *хошоод*, бох. *хошооһоор*, хонгод. *хоёр хоёроор //хошоод//хошоодоор//хошоодоороо//хошооһоор//хошооһоороо id*.

Кратные числительные в старописьменном монгольском языке образуются при помощи аффикса *-ta (-te)*: *nigente* «один раз», *qoyarta* «дважды». В бурятском языке данные числительные выражаются посредством слова *дахин* «раз»: *нэгэ дахин* «один раз», *хоёр дахин* «дважды» и т.д. Эхи-

рит-булагатский, боханский, тункинский говоры сохранили аффикс *-та*: *хоёрто* «дважды».

Таким образом, установлено, что старомонгольский аффикс множественного числа на *-s* в данном виде в литературном бурятском языке не обнаружен, однако в эхирит-булагатских и хонгодорских говорах сохранился в составном форманте неопределенного множества *-һүүд* (*-һүүд*); в системе падежей бурятского языка не бытуют формы местного и соединительного падежей; из двойных падежных форм в бурятском языке не нашли соответствия соединительно-орудный и родительно-соединительный падежи.

В параграфе 2.2. «*Формы глагола бурятского и старописьменного монгольского языков*» рассматриваются формы залога, вида, наклонения, а также неличные формы глагола – причастия и деепричастия.

В отношении формы залога в анализируемых языках рассмотрено 5 залогов: побудительный (стп.-м. *-yul, -lʏa*; бур. *-уул, -лга, -га, -аа, -ха*), страдательный (стп.-м. *-yda, -da, -ta*; бур. *-гда, -да, -та*), совместный (стп.-м. *-lʕa*; бур. *-лса*) и взаимный (стп.-м. *-lda, -ldu*; бур. *-лда*). Данные залоговые формы глаголов сравниваемых языков показывают идентичность своих показателей, отличных лишь незначительными фонетическими изменениями в бурятском языке, а то без каких-либо изменений (например, аффикс взаимного залога).

Из видов были рассмотрены внезапный, многократный, ритмичный, уменьшительно-ласкательный, моментально-однократный, ограничительный, мгновенный и учащательный. В старописьменном монгольском языке находим внезапный, многократный, ритмичный, моментально-однократный, мгновенный и учащательный виды, причем эти же виды обнаружены в хонгодорских говорах бурятского языка. Средства оформления видовых форм сравниваемых языков различны. Так, внезапный вид в старописьменном имеет аффикс *-či~čiqɑ*, в бурятском – *-ша*; многократный вид: стп.-м. *-l*, бур. *-л*; ритмичный вид: стп.-м. *-lʕɑ, -balʕɑ* или *-yɑlʕɑ*, бур. *-лз*; уменьшительно-ласкательный вид: бур. *-хада*; моментально-однократный вид: стп.-м. *-ski*, бур. аффикс *-д* и служебный глагол *гэ*- со значением *делать*; ограничительный вид: бур. *-нта*; завершённый вид: стп.-м. соединительное или разделительное деепричастия + *orki*- с первоначальным значением «оставлять; покидать», бур. *-жархи*, восходящий к вспомогательного глаголу *орхи*- id. В хонгодорских говорах развилась в геминату *тьть*; учащательный вид: стп.-м. *-čɑγ=a*, бур. *-сагаа*. В литературном бурятском языке в художественных произведениях наблюдается большое разнообразие видовых форм и средств их выражения в связи с тем, что авторы применяют различные аналитические конструкции для образного оформления своих сочинений. Система глагольных видов стала складываться после образования отдельных монгольских языков и этот процесс все еще продолжается.

В личных формах глагола были рассмотрены повелительно-жела-

тельное и изъявительное наклонения. В рамках повелительно-желательного наклонения рассмотрены: повелительная форма 2-го лица (совпадает с основой глагола), повелительно-наставительная форма 2-го лица (стп.-м. -*урай*, бур. -*аарай*), повелительно-просительная форма 2-го лица (стп.-м. -*уаѝ*, бур. -*ы*), повелительная форма 2-го лица множественного числа (стп.-м. -*утип*, бур. -*гты*), форма пожелания 1-го лица единственного числа (стп.-м. -*сууай*, -*су*), которой соответствует пропозитивная форма 1-го лица бурятского языка (бур. -*һуу*), повелительно-пригласительная форма 1-го лица множественного числа (стп.-м. -*у=а*, бур. -*я*), повелительно-желательная форма 3-го лица обоих чисел (стп.-м. -*тууай*, -*у*, бур. -*э*), форма пожелания всех лиц (стп.-м. -*уасай*, -*асай*, -*сай*), в бурятском языке данная форма называется желательной формой (-*һай*), форма опасения (стп.-м. -*уѝай*, бур. -*уужа*//*-уужан*). В эхирит-булагатском и баргузинском говорах имеется повелительно-желательная форма 3-го лица с аффиксом -*тгаэз*. Кроме того, в данных говорах бытует опасительная форма на -*гшаб*.

Изъявительное наклонение обоих языков представляет грамматически выраженные времена. В старописьменном монгольском языке глаголы на -*м*//*-туй* (ранняя форма) или -*нам*, -*н=а* (современный вариант) употребляются со значением настоящего и реже будущего времени. Вторая форма настоящего и будущего времени имеет аффикс -*уи*. Настоящее время глагола в бурятском языке образуется на базе глагольных основ посредством аффикса -*на*, передает значение неопределенного настоящего времени.

Первая изъявительная форма прошедшего времени в старописьменном монгольском языке выражает форму прошедшего времени совершенного, имеет аффиксы -*ба*, -*бай*. Данной форме в бурятском языке соответствует изъявительная форма прошедшего времени с показателем -*ба*. Вторую форму прошедшего времени в обоих языках называют прошедшим временем заведомо известного действия: стп.-м. -*луу=а*, -*л=а*, лит.-бур. -*лай*. Третья форма прошедшего времени изъявительного наклонения имеется лишь в старописьменном монгольском языке, которая имеет показатель -*ѝуқи*, -*ѝуқи*, -*ѝей*//*-ѝей*.

Система причастий старомонгольского языка обнаруживает сходные черты с бурятским языком. Различия состоят в основном лишь в фонетических формах показателей. В старописьменном языке причастие настоящего времени имеет показатель -*у=а*. В бурятском языке причастие настоящего-прошедшего времени на -*аа* выступает в качестве выразителя прошедшего времени, перешло в разряд финитных форм. При наличии связки прошедшего времени это причастие выражает давнопрошедшее время: модель -*аа һэн* (в говорах гармонирует). В бурятском языке имеется причастие завершено-прошедшего времени на -*нхай*. В старописьменном монгольском языке аффикс -*ngqai* (-*ngkei*) и в хонгодорских говорах бурятского языка -*нхай* являются словообразовательными, образующими прилагательные от

глагольных основ, типа *turangqai* (стп.-м.) «истощенный» – *туранхэз* (от *тураха* «исхудать») (бур.)

Причастие прошедшего времени совершенного вида в старописьменном монгольском языке имеет аффикс *-γsan*. В бурятском языке причастие прошедшего времени имеет показатель *-han*. К примеру, в закаменском говоре это причастие, употребляясь со связкой *юм*, срastaется с ней фонетически в форму *-һиима* (*-һиимэ*) (<*han*//*-һэн юмэ*). Баргузинский, байкало-кударинский говоры бурятского языка имеют показатель *-aan* вместо литературного *-han*.

В системе причастий старомонгольского языка имеется причастие будущей меры и степени возможности совершения действия на *-қиүйса* (*-күйсе*), которое отсутствует в бурятском языке.

Деепричастия традиционно делят на 2 группы: сопутствующие и обстоятельственные. В настоящей работе вслед за В.И. Рассадиным (лекции, читанные на восточном факультете Бурятского государственного университета 1994-1999 гг.) деепричастные формы представлены в 3 группах: сопутствующие, обстоятельственные и смешанные. Система деепричастных форм бурятского языка схожа с деепричастной системой в старописьменном монгольском языке, и все деепричастные формы являются прямыми рефлексамии старомонгольских форм. Деепричастные формы бурятского языка, по сравнению со старомонгольскими, в количественном отношении отличается своим многообразием. В старописьменном монгольском языке не употребляется заменное деепричастие, деепричастие образа действия, деепричастие степени действия и причинное деепричастие. Особенностью последнего является то, что данная форма с аффиксом *-һанаар* (*-һэнээр*) не характерна для системы деепричастий старописьменного монгольского языка, и по своему происхождению, представляет собой причастие в форме обстоятельственного падежа. В бурятском языке не оказалось приглагольного деепричастия, а также особо выделившегося уступительного деепричастия.

Таким образом, установлено:

– в бурятском языке используются все рассмотренные виды: внезапный, многократный, ритмичный, уменьшительно-ласкательный, моментально-однократный, ограничительный, мгновенный и учащательный виды. Из них в старописьменном монгольском языке находим внезапный, многократный, ритмичный, моментально-однократный, мгновенный и учащательный виды;

– особенностью старописьменного монгольского языка является наличие во временном наклонении настояще-будущего времени заведомо известного действия на *-уи* (*-үй*) и третьей формы прошедшего времени изъявительного наклонения на *-јиқи* (*-јүкүи*);

– в отличие от старомонгольского языка в бурятском языке наличествуют лично-предикативные частицы – показатели сказуемости в формах

повелительно-желательного и изъявительного наклонений;

– в системе причастий не встречается причастие будущей меры и степени возможности совершения действия на *-qiyiĉa (-kiyiĉe)*;

– причастие настояще-прошедшего времени на *-aa* выступает в качестве выразителя прошедшего времени, перешло в разряд финитных форм;

– в бурятском языке не обнаружено приглагольное деепричастие, а также особо выделившееся уступительное деепричастие.

В параграфе 2.3. «Наречие» рассматриваются наречия бурятского и старописьменного монгольского языков.

Наречия в сравниваемых языках по своей структуре делятся на непроизводные, или иначе корневые, и производные. Непроизводные в этих языках представляют собой немногочисленную группу слов. Производные наречия – это слова, образованные в основном от именных частей речи и соотносимые с ними. Процесс образования наречий протекал на протяжении длительного периода времени и окончательно еще не завершен. По своему значению наречия старописьменного монгольского и бурятского языков идентичны, отличия лишь лексического характера, к примеру, в бурятском языке отсутствуют такие старомонгольские лексемы как *munda* «сейчас», *moltü* «вскольз, второпях», наречия повтора как *mer ser* «изредка, временами» и т.п. Примечательно, то, что в говорах имеются те наречия, которые наличествуют в старописьменном монгольском языке. К примеру, наречие *lula* (стп.-м.) имеется лишь в закаменском говоре бурятского языка, в других говорах отсутствует.

Параграф 2.4. «Местоимение» посвящен специфическому классу указательных слов с заместительной функцией, особым образом соотносящийся с частями речи знаменательных слов, имеющими назывную функцию.

По значению местоимения в рассматриваемых языках делятся на личные, указательные, вопросительные, возвратные. Местоимения обладают категориями множественности, склонения и притяжания. При склонении имеет место супплетивность. Старомонгольское местоимение 1-го лица множественного числа *ba* «мы» в бурятском языке употребляется лишь в косвенных падежах, образуя парадигму с основой *tan-*: бур. *манда* «нам».

В эхирит-булагатских и хонгодорских говорах бурятского языка формы генитива и аккузатива местоимения *бидэ* «мы», кроме общебурятского *манай* и *манише*, имеют вариант *мани*; *та* «Вы», кроме общебурятского *танай* и *танише*, имеют вариант *тани*, что фонетически совпадает со старомонгольским аккузативом *tani* и *tani*. Также следует отметить, что в говорах имеются и специфические местоимения: эхир.-булаг. *бодигор*, барг. *бодогоор*, тунк. *бидагор* «мы вдвоем», эхир.-булаг. *таатагоор*, барг. *таатоогоор*, тунк. *татагоор* «вы вдвоем», бох. *инаэхан/наэхан*, *таразхан* «вот столько», *мунөөши* «тот самый», *өөһэн* «он сам», барг. *бидээрэ* «сами» и т.д.

Таким образом, установлено, что старомонгольское местоимение 1-го лица множественного числа *ba* «мы» в бурятском языке употребляется лишь

в косвенных падежах, образуя парадигму с основной *тан-* бур. *манда* «нам».

В Заключении сформулированы в обобщенном виде основные положения и результаты исследования.

Сравнительный анализ звукового строя, грамматических категорий и форм назывных слов бурятского и старописьменного монгольского языков позволил выявить достаточно высокую степень сходства, а также отдельные расхождения между ними. В результате исследования были определены и сходные элементы, встречающиеся в говорах бурятского языка со старописьменным, с одной стороны, и между самими бурятскими говорами, с другой.

Основные положения исследования изложены в следующих публикациях автора

1. Ульзетуева, З.Д. Преподавание старописьменного монгольского языка в бурятской средней школе / З.Д. Ульзетуева // Преподавание бурятского языка как государственного на современном этапе: материалы республиканской науч.-практ. конф. (21-22 марта 2001 г.). – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 2002. – С. 15.

2. Ульзетуева, З.Д. Соотношение вокализма бурятского и старописьменного монгольского языков / З.Д. Ульзетуева // Вестник Бурятского университета. Серия 6: Филология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. – Вып. 7. – С. 90-102.

3. Ульзетуева, З.Д. Цели и содержание обучения старописьменному монгольскому языку / З.Д. Ульзетуева // Вестник Бурятского университета. Серия 8: Теория и методика обучения в вузе и школе. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. – Вып. 8. – С. 180-190.

4. Ульзетуева, З.Д. Методика формирования речевых навыков чтения старописьменного монгольского языка / З.Д. Ульзетуева // Инновационные технологии в образовании: материалы региональной науч.-практ. конф. 2-е Батудаевские чтения (10-11 декабря 2003 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. – С. 131-137.

5. Ульзетуева, З.Д. Соотношение заднеязычных и увулярных согласных старописьменного монгольского и бурятского языков / З.Д. Ульзетуева // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию д-ра филол. наук, проф. О. А. Нечаевой (23-24 апреля 2004 г.) – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – С. 165-168.

6. Ульзетуева, З.Д. Соотношение губных и переднеязычных согласных старописьменного монгольского и бурятского языков / З.Д. Ульзетуева // Вестник Бурятского университета. Серия 18: Востоковедение. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 147-163.

7. Ульзетуева, З.Д. Сравнительно-сопоставительный анализ старописьменного монгольского и бурятского языков (грамматический аспект) /

З.Д. Ульзетуева // Язык и культура: Межкультурная коммуникация, лингводидактика [Текст]: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. (2-3 ноября 2005 г.) – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2005. – С. 132-137.

8. Ульзетуева, З.Д. Старописьменный монгольский язык: проблемы и перспективы (методический аспект) / З.Д. Ульзетуева // V Всероссийская науч.-практ. конф. «Кулагинские чтения»: материалы конф. (30 ноября – 1 декабря 2005 г.) – Чита: ЧитГУ, 2005. – Ч. III. – С. 190-195.

9. Ульзетуева, З.Д. Лингвистический сюжет о монгольских языках / З.Д. Ульзетуева, Н.Г. Илюхина // V Всероссийская науч.-практ. конф. «Кулагинские чтения»: материалы конф. (30 ноября – 1 декабря 2005 г.) – Чита: ЧитГУ, 2005. – Ч. III. – С. 195-198.

10. Ульзетуева, З.Д. Сингармонизм в старописьменном монгольском и бурятском языках / З.Д. Ульзетуева // Вестник Читинского государственного университета. – Чита: ЧитГУ, 2006. – Вып. 40. – С. 148-154.

11. Ульзетуева, З.Д. Простое склонение в старописьменном монгольском и бурятском языках / З.Д. Ульзетуева // Аспирант (труды молодых ученых, аспирантов и студентов). – Чита: ЧитГУ, 2006. – Вып. 1. – С. 94-98.

12. Ульзетуева, З.Д. Сравнительная характеристика деепричастий старописьменного монгольского бурятского языков / З.Д. Ульзетуева // Культура и искусство трансграничья, язык и межкультурные коммуникации: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия, Китай, Монголия» (18-20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 237-242.

13. Ульзетуева, З.Д. Специфика личных местоимений старописьменного монгольского языка / З.Д. Ульзетуева // VI Всероссийская науч.-практ. конф. «Кулагинские чтения»: материалы конф. (30 ноября – 1 декабря 2006 г.) – Чита: ЧитГУ, 2006. – Ч. I. – С. 201-204.

14. Ульзетуева, З.Д. Сравнительное исследование старописьменного монгольского и бурятского языков / З.Д. Ульзетуева. – Чита: ЧитГУ, 2006. – 184 с.

15. Ульзетуева, З.Д. Старописьменный монгольский язык: учеб. пособие / З.Д. Ульзетуева. – Чита: ЧитГУ, 2006. – 88 с.

Лицензия ЛР № 020525 от 02.06.97

Сдано в производство 22.12.06

Уч - изд. л. 1. Усл печ. л. 0,9

Тираж 100 экз. Заказ № 127

Читинский государственный университет
672039, Чита, ул. Александрово-Заводская, 30

Издательство ЧитГУ